

Глава 1

Терри

Каждый раз, когда хочешь погрузиться в свои мысли и поддаться воспоминаниям, тебя что-то отвлекает. Орущие пьянчуги, умирающие от ломки наркоманы. Порой хочется лишиться слуха, чтобы больше никогда ничего не слышать. В такие моменты я закрываю глаза, поднимаю руки и начинаю пальцами играть на воображаемом рояле, а в голове прокручиваю любимые симфонические мелодии. Как же мне не хватает этого инструмента, если бы вы только знали! Ночами мне снится, как я играю. Душу бы дьяволу продал за то, чтобы снова прикоснуться к клавишам.

— Терри, мать твою, ты чего тут сидишь, пальцы разминаешь?! Я тебя жду вообще-то! — раздался крик Армо.

Да-да, этот человек тоже любит нарушать тишину. В такие минуты я задумываюсь над тем, что уж лучше бы его перемолото в мусоровозе. Скажете, я жестокий? Но вы еще не слышали, что говорит Армо, когда я его бешу. А последнее происходит крайне часто. Во время ссор я напоминаю ему, что без меня он стал бы жрачкой для крыс, а он твердит,

что однажды, когда я усну, расчленит меня, съест мясо, а кости выкинет. Весело, не правда ли?

Я встал с земли и посмотрел на друга с высоты своего роста. Армо был достаточно высоким, но по сравнению со мной казался муравьем. Не зря меня всегда хотели отдать в баскетбольную команду.

— Ну ты и каланча, Терр! Давай тебе ноги подрежем, а то у меня шея затекает, когда я с тобой разговариваю.

— Армо, ты чудо! — проямлил я и побрел в сторону костра, который развел друг.

— Эй, а что ты пальцами вечно делаешь?!

— Воображаю, что играю на рояле. Я ведь тебе уже говорил.

Я сел возле костра погреть ладони, но это не особо помогало спастись от холода.

— Ах, ну да! Ты до сих пор представляешь себя гениальным пианистом. Терри, ты слишком погрузился в выдуманную жизнь. Прекращай!

А вот и еще один момент, который меня очень смешит. Армо думает, что я родился в Алегрии и жил тут все свои восемнадцать лет. Сколько бы я ни убеждал его, что раньше моя семья считалась одной из самых богатых в Рибовски, Армо всегда начинал хохотать: по его словам, у меня неисполнимые мечты и я заврался.

— А впрочем... — прошептал Армо и сел напротив меня. — Рассказывай свои истории! Ты, конечно, балабол еще тот, но я уверен, из тебя получился бы замечательный писатель, ведь это ж надо, такое воображение пропадает!

— Арм... — усмехнулся я и хотел было снова начать уверять его в том, что не лгу, но какой толк? Сейчас я выгляжу так, будто и правда с рождения сплю на улице и жру помой.

— Ну что ты повторяешь — Арм да Арм? Что?! Терри, я тоже могу сказать, что я сын султана, а сюда забрел от скуки! Мне приелась богатая жизнь, вот я и решил свалить в Алегрию — отведать вкуснейшего мяса дохлой крысы.

Я засмеялся и посмотрел на друга. В чем-то он прав. Тут любой бродяга может начать втирать о том, что он когда-то был богачом. Возражать бессмысленно. Так или иначе, лучше молчать, ибо все равно никто не поверит, а лишь посчитает, что ты больной придурок.

— Хорошо, Армо. Если просишь, я расскажу тебе выдуманную историю.

— Ага! Сразу бы так. А то заладил: «Я родился в Рибовски, учился в элитном заведении, сорил деньгами!» Тьфу на тебя за вранье. Но ты хороший человек и развлекаешь меня рассказами. Так что давай!

Окунемся в прошлое

Ранним утром город Рибовски наполнен суетой. По местным рынкам с пяти утра бегают слуги и дворецкие, закупают свежайшую еду для того, чтобы успеть приготовить хозяевам завтрак к семи часам. Работать в домах богачей — дело не из легких. Ночью нужно очень тихо прибрать особняк, чтобы утром выспавшиеся владельцы не обнаружили ни единой пылинки.

Терри открыл глаза. Его разбудил звонок будильника. Мальчик посмотрел на потолок, на котором было нарисовано звездное небо.

— Ну почему я должен так рано вставать... — пробурчал Терри и медленно сел на постели.

Он протер глаза и посмотрел на свое отражение в зеркале. На Терри уставился одиннадцатилетний паренек с темно-русыми волосами, глубокими синими глазами, пухлыми нежно-розовыми губами. Терри зевнул и провел рукой по шевелюре. Дверь в комнату открылась, и в спальню со всего разбегу ворвалась его точная копия.

— Терри! Елена спрашивает, тебе завтрак в постель принести или будем есть в столовой? — весело прокричал брат, прыгнув на кровать близнеца.

— Эд, чего ты кричишь... — Терри взялся за голову и рухнул на одеяло.

— Эй! Хватит спать, оболтус! Пошли завтракать, у нас утренняя тренировка, а потом учеба.

Терри закатил глаза и громко вздохнул.

— А можно я тут останусь?

— Ты что — опять до ночи просидел со своими нотами?! — Эд подошел к белому роялю и взял нотную тетрадь в руки. Он сморщился и кинул ее в сторону. — Ну и скуотища!

Терри встал с кровати, поднял тетрадь с пола и поглядел на брата-близнеца. Складывалось ощущение, будто бы он смотрит в зеркало. У мальчиков не было ни единого внешнего различия, кроме цвета глаз. Зато характеры оказались совершенно разными.

— Тебе не понять, Эд.

— А что тут понимать?! — взвыл брат и, шагнув к роялю, провел пальцами по клавишам. — Я постоянно слышу от тебя всякие странные слова, наверное, ты только об этом и думаешь! Все эти диозы, триоли... Фу, гадость.

Терри громко засмеялся и оттолкнул брата от инструмента.

— Ну ты и затупок! Дизы и бемоли, Эд.

— Это не меняет сути. Музыка — скукотища, и я не понимаю, как ты можешь ею заниматься.

— Мне нравится играть на пианино... — Терри закрыл глаза и, прикоснувшись к клавишам, начал исполнять произведение Людовико Эйнауди¹.

Эдвард вздохнул и улыбнулся, наблюдая за тем, как складно играет его брат. Хоть Эд и утверждал, что это скука несусветная, но каждый раз с открытым ртом слушал игру Терри.

— Тэрриэль! — раздался громкий голос отца.

Мальчики вздрогнули и переглянулись. Отец решительно зашел в комнату и строго посмотрел на Терри. Тот быстро отошел от рояля и потупился.

— Я ведь запретил прикасаться к инструменту, пока ты не сделаешь все свои основные дела, да, Тэрриэль?!

— Да, пап, — тихо пробубнил Терри.

— Тогда объясни мне, почему ты снова брэнчишь?! Ты уже должен был позавтракать и идти на утреннюю тренировку, а потом на занятия по французскому! Кажется, я тебя и раньше предупреждал, что если ты не будешь учиться, то я вывезу этот гадкий рояль из нашего дома!

Терри сжал зубы и опустил голову еще ниже. Учиться играть на фортепиано в музыкальную школу его, еще трехлетнего, отдала мама. С тех пор он не отходил от инструмента и не представлял свою жизнь без музыки. Отец же, напротив, всегда считал, что это бессмысленная трата времени и есть дела куда важнее «никому не нужного» творчества.

¹ Современный итальянский композитор. (Здесь и далее прим. ред.)

— Пап, это я его попросил сыграть, не кричи! — выпалил Эдвард, сделав пару шагов в сторону отца.

Отец скривился.

— Эдвард, хватит врать! Я знаю, что ты тоже не любишь рояль и уж точно не стал бы просить, чтобы брат на нем бренчал. Не надо его выгораживать. Быстро завтракать! У вас куча дел!

Он развернулся и вышел из комнаты. Мальчики переглянулись.

— А нам ведь только одиннадцать... Что будет дальше?

— Папа говорит, что мы должны вырасти достойными наследниками. Именно поэтому нас так загружают... От этого никуда не денешься. Пойдем! — произнес Эд, хлопнув брата по плечу.

— Терри, а почему ты не можешь придумать, чтобы в этой истории все было идеально? Если бы я сочинял жизнь, которую хотел, там бы был полнейший шик и блеск! — пробурчал Армо, лежа на сырой земле. — А ты какого-то отца и тирана придумал. Если бы такой мужлан существовал в реальности, я бы харкнул ему в рожу. Как можно так запрягать мальчишек, да еще и запрещать играть?!

Я опустил глаза, на которые невольно навернулись слезы. Каким бы ни был отец, его в любом случае уже нет в живых. Да, он был не идеален. Он трепал мне нервы. И его любимчиком был Эдвард — из него он и лепил сына мечты. Я был жалкой пешкой в родной семье, начиная с самого раннего детства. Отцу не стоило так со мной обращаться, ведь если бы он вел себя немного мягче и дал мне хоть

капельку любви, то я не стал бы таким, каким был год назад.

— Армо, я не могу придумывать идеальную историю. В нашей жизни ничто не идеально. Даже если ты невероятно богат, а вокруг тебя суетятся десятки слуг и все перспективы и дороги перед тобой открыты... даже если ты имеешь все, это не делает тебя до конца счастливым человеком. Пойми...

— Это твоё воображение, а не реальность. Здесь ты можешь устроить себе жизнь, в которой единороги будут блевать радугой, поверь. А в следующий раз я буду ждать от тебя именно такую историю, а не эту грустную чертовщину с идиотским отцом. Ложись спать. — Армо накрылся тряпкой, которую пару дней назад отжал у бродяги, и погрузился в сон.

А я совсем не могу спать. Не могу есть отходы. Я очень похудел за эти месяцы. Наверное, теперь выгляжу как ходячий скелет. В Алегрии редко где можно найти зеркало, именно поэтому я и понятия не имею, как выгляжу сейчас. Да и не особо хочется увидеть своё отражение.

Я пододвинулся ближе к костру и, закрыв глаза, попытался задремать. Спустя минут десять услышал дикий вопль какого-то зверька. Я вздрогнул от испуга, чуть ли не подскочив с земли, и начал оглядываться по сторонам. Животные в Алегрии большая редкость — зачастую их тут же съедают.

Визг доносился из переулка. Я направился туда и замер, обнаружив, как женщина одной рукой держит хорька, а другой натачивает нож. Бессердечная тварь! Схватив дырявое ведро, я подбежал к «милейшей» даме и со всей силы дал ей по грязной морде ведром! Вот так-то, сволочуга! Будешь знать, как обижать беззащитных существ. Она взвизгнула и упала на колени, выпустив зверька из рук. Меня

взбесил писк, поэтому я снова пустил ведро в дело, пару раз треснув заразу по черепу. Мерзкая баба заткнулась, упав мордой в землю, а я взял хорька и пошел обратно к костру.

У меня возникло дикое желание оставить его себе и позаботиться о нем, но пушистый сильно вырывался, и мне ничего не оставалось, как выпустить его и надеяться, что он не нарвется на неприятности снова.

Вернувшись, я сел напротив тлеющего огонька, а в голове вновь стали проплывать воспоминания. Они никогда не оставят меня в покое.

Окунемся в прошлое

Терри сидел в самом живописном парке Рибовски. На скамейке лежали учебники и тетради по французскому языку. Мальчик всегда уходил сюда учить уроки — тут проще было сосредоточиться, но сегодня у него это плохо получалось.

— Что за бред?! — возмутился он и посмотрел в тетрадь. — Бонжур... коммент воус сентез... Какая чушь! Как это произнести? Я ничего не понимаю! Почему я вообще должен учить французский! — Терри откинул тетрадь в сторону и скрестил руки на груди. — Бонжур... коммент... — Он снова попытался повторить фразу, но забыл ее продолжение. — Да пошло оно! — Терри резко встал с лавочки, повернулся и увидел девочку, похожую на настоящего ангела. Она внимательно смотрела на него своими большими голубыми глазами, а потом приподняла уголки губ и произнесла:

— *Bonjour, comment vous sentez-vous?*¹ — И малышка улыбнулась уже шире. — Кажется, именно это ты пытался сказать?

Терри нахмурил брови.

— Меня зовут Филисса Бенуа, я родом из Франции, — добавила она и протянула Терри руку.

— Меня зовут Тэрриэль Ривман — и я ненавижу французский. — Мальчик ухмыльнулся и пожал руку Филиссе.

¹ Здравствуйте, как вы себя чувствуете? (франц.)

Глава 2

Филисса

Я проснулась от дикого грохота в коридоре.

— Где мой сын... где он... Эта паршивка убила его!
Убила! Я доберусь до нее!

Голос мамы доносился с первого этажа, но я понимала, что она направляется к моей комнате. Я спрыгнула с кровати и заперла дверь на замок. Дыхание участилось. Господи, как же мне страшно, когда такое происходит! Я стояла спиной к двери, опершись на деревянное полотно и наострив уши. Тишина.

— Я найду тебя... — слышался шепот у замочной скважины.

Отбежав в сторону, я быстро подошла к балконной двери, открыла ее и, воспользовавшись перилами, вылезла на крышу. Я часто так делала во время маминих приступов. Наверху было безопасно и спокойно. Именно здесь я ощущала полное умиротворение. Усевшись на край, посмотрела на небо. Через пару часов начнет светать. Черт, отличное начало дня!

Кто бы только знал, как мне плохо! Я привыкла к Франции. Всей душой люблю эту страну. Что угодно отдала бы, лишь бы вернуться, но отец

считает: выпускной класс я должна закончить именно в Рибовски. В этом доме жил дедушка, именно сюда я приезжала каждую осень на каникулы. Тогда я любила город. Вот только один гаденыш отбил все желание тут находиться.

Мало того, что мне нужно учиться в месте, которое я теперь ненавижу, да еще и жить надо с матерью-психопаткой. Наверное, так нельзя говорить, но она у меня в печенках сидит! Сволочь, испоганила мое детство, буквально убила мою психику к чертям и продолжает это делать. И почему папа вытащил ее из лечебницы, не понимаю. Доктора уверяли, что с ней все хорошо. Ага, конечно. Именно поэтому она носится по дому и говорит, что ее зовут вовсе не Анастасия, а Амалия. Ну а я, видите ли, грохнула ее гребаного сына! Ей поставили диагноз: диссоциативное расстройство идентичности. Если простыми словами, раздвоение личности. У нее поехала кукушка, когда я была совсем маленькая, и с тех пор я терплю ее бред. Порой хочется просто застрелиться.

— Фелисса? Ты на крыше сидишь?

Я узнаю этот голос. Никита, мой личный телохранитель. Он русский, впрочем, меня это не удивляет, так как Рибовски — единственное место в мире, где пересекаются все национальности. Если честно, он меня порой подбешивает. Его работа — охранять меня, а он зачастую лезет не в свое дело. Будто я обязана ему что-то рассказывать.

— Ты меня караулишь?

— Я услышал грохот в доме. Что случилось?

— А ты разве не курсе? Мамаша снова слетела с катушек. — Я посмотрела вниз.

Никита нахмурился. Он никогда не одобрял мое отношение к ней. Мол, какая бы она ни была, все-таки не чужой человек. Сует нос не в свое дело.

— Лисса, может, ей помощь нужна! — Никита запаниковал и рванул в дом.

— Стоять! — крикнула я и начала слезать с крыши.

Он замер и обернулся. Я медленно спускалась, стараясь не упасть. Никита подошел ко мне и, взяв за талию, помог «приземлиться». Я пристально посмотрела ему в глаза. Никита довольно высокий, но по сравнению со мной любой человек будет высоким. Хоть лицом я и удалась, но рост уж очень меня подвел. Гребаные сто шестьдесят сантиметров.

— Ты сейчас вернешься к себе, ляжешь в кровать, захлопнешь глазки и перестанешь лезть в нашу жизнь. Понял?

— Лисса, почему ты такая жестокая?! — Никита попятился и злобно уставился на меня. — Она же мама твоя! Ей плохо! Она разве виновата, что болеет? Неужели тебе ее ни капли не жаль?!

— Я сказала, закрой рот и иди к себе! Ты не имеешь права что-то предъявлять. Еще хоть раз влезешь в мою жизнь, скажу отцу, и он вышвырнет тебя, как пса подзаборного, обратно в твою Россию. За собой следи лучше!

Я обошла Никиту и направилась в дом. И зачем мне нужен телохранитель? Никакой от него пользы! Настолько нудный, что хочется обблеваться. Я прекрасно жила во Франции без всяких охранников. Но Рибовски — другое дело. Шотл считается самым богатым районом города, здесь у всех есть личные секьюрити, иначе велика вероятность, что сюда могут пробраться мерзкие крысы из Алегрии. Даже боюсь представить, что там творится. Половина ее жителей — жалкие людишки, которые когда-то своими же руками угробили себе жизнь. Ну не идиоты ли? Я считаю,

именно такой жизни они и заслуживают. Собрать бы их всех и сжечь. Какой толк от того, что они скитаются да еще и разносят инфекции? Жаль, что этим никто не может заняться. Точнее, никто не хочет, ведь уже долгие годы Алегррия — своего рода тюрьма.

Я вошла в дом и увидела, что мать лежит на диване и сопит в подушку. И так каждый раз. Ее «переключение» длится недолго. Правда, она потом ничего не помнит, а я запоминаю каждую деталь, и от этого только хуже.

На кухне я взяла запасной ключ от своей комнаты, открыла ее и залезла в кровать. До звонка будильника еще три часа. Просто усну и представлю, что это был сон.

Представлю, что нет у меня матери-психопатки.

А любимый дедушка вовсе не умирал, а уехал далеко-далеко.

И папа рядом.

И я во Франции, в своей родной школе.

И мне не придется завтра видеть Терри и Эда, ведь они учатся именно в том заведении, в которое меня засунул отец.

Я снова представлю свою прошлую жизнь. Ведь то, что происходит в настоящем, попросту заставляет изнывать от боли.

Солнце медленно поднималось, чтобы залить весь город светом. Небо окрасилось розово-фиолетовым. Будильник начал выводить бесконечную трескотню, но Филисса не шелохнулась, не желая вставать.

«Ладно, Лисса. Голову выше — и разнеси этот город! Ты точно можешь».

Наконец она встала с кровати и подошла к зеркалу. Светлые волосы растрепались, но, несмотря на легкую небрежность, Лисса все равно выглядела прекрасно.

— Этот ублюдок когда-нибудь ответит за то, что сделал, — тихо проронила Филисса и пронзительно посмотрела в синие глаза в отражении.

Она зашла в гардеробную, достала из шкафа черное расклешенное платье длиной выше колен, гольфы и туфли на каблуках.

После всех утренних процедур по уходу за собой Филисса направилась к бассейну и проплыла несколько кругов, а затем побежала одеваться. Накрутив волосы и сделав макияж, она опять взглянула на себя в зеркало и улыбнулась.

— Лисса, ты будешь завтракать? — Дверь в комнату открылась — на пороге топталась женщина лет сорока. Она выглядела слегка помятой.

— Закрой дверь, — ответила Филисса, не поворачиваясь.

Мать нахмурилась, но выполнила приказ дочери. Телефон Филиссы завибрировал, она ответила на звонок:

— Да, папуль! Привет! Как ты?

— Лисенок, доброе утро! Все хорошо. У тебя первый учебный день сегодня, в честь чего я отправил тебе подарок. Курьер должен подвезти днем.

Лисса расплылась в улыбке и вздохнула.

— Я скучаю, пап. Если честно, совершенно не хочется никуда идти. Я мечтаю вернуться во Францию...

— Филисс, давай не будем об этом. Я тебе уже все сказал по этому поводу. Я не понимаю, откуда у тебя взялась такая неприязнь к городу? Ты всегда любила

к бабушке ездить, у тебя и друзья здесь были. Что случилось?

Филисса сглотнула подступивший к горлу ком. Она никогда не рассказывала родителям о том, почему больше не желает приезжать в Рибовски. То была тайна, покрытая мраком. Лисса решила сохранить этот секрет и ничего не вспоминать, но увы!.. Невозможно не вспоминать, если тебе приходится жить в этом городе и каждый день видеть бывшего друга и его омерзительного братца.

— Ничего не случилось. Просто мне перестала нравиться здешняя атмосфера. Мне тяжело находиться в доме, воспоминания о бабушке давят.

Отец тоже вздохнул и несколько секунд молчал, пытаясь подобрать слова.

— Доченька, нужно жить дальше. Прошло уже полгода. Бабушка бы не хотел, чтобы ты без конца вспоминала прошлое. Понимаешь? Я уверен, что он смотрит на тебя с неба и говорит те слова, которую всегда повторял тебе. Помнишь?

Филисса кивнула:

— Лисенок, не будь хлюздиком.

— Вот! Молодец, что не забыла, — засмеявшись, ответил отец. — А теперь иди на учебу и не подведи с оценками, умоляю. Мы с мамой надеемся на твой красный аттестат.

— Будет сделано! Удачного дня, пап! — Лисса дала отбой, взяла сумку и побрела на первый этаж.

Мама была непритязательной женщиной. И пусть в доме имелась прислуга, но готовить она любила и сама. Именно поэтому часто хозяйничала на кухне вместе с домработницей, а потом приглашала ее и телохранителя Лиссы на завтрак.

Вот и теперь Филисса обнаружила, что мама, Никита и домработница сидят за столом и что-то